

Слово редактора

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНТЕРЕСА

В.П. Макаренко

Южный федеральный университет

Аннотация: М.А. Бакунин 150 лет назад заметил сходство между сословиями священников и государственных людей (бюрократов, военных, дипломатов). По его мнению, те и другие достойны тысячекратной каторги и виселицы, «...ибо не существует ужаса, жестокости, святотатства, клятвопреступления, обмана, низкой сделки, цинического воровства, бесстыдного грабежа и грязной измены, которые бы не совершались... представителями государств, без всякого другого извинения, кроме эластичного, столь удобного и вместе с тем столь страшного слова: государственный интерес»¹. Обратим внимание, что государственный интерес (далее ГИ) не только связывает сословия священников и бюрократии (поскольку их деятельность является криминальной), но и маскирует ее уголовное содержание.

Был ли Михаил Александрович оригинален в таком определении ГИ или же он опирался на сходные мнения своих современников? Напомню, что ко времени высказывания Бакунина в Европе уже издавался «Колокол» А.И. Герцена, были опубликованы записки князя П.В. Долгорукова и книги отца Д.И. Ростиславова. Все они фиксировали указанные человеческие качества среди представителей русской аристократии и духовного сословия со времени образования Московского княжества, с особым акцентом на ситуацию середины XIX в. Книга маркиза де Кюстина и его оценки России ко времени деятельности Бакунина приобрели европейскую известность².

Специалисты в сфере знания и оценки книги Кюстина отмечают, что ее содержание применимо к России Сталина и Брежнева. Книга выходит за пределы изображенного в ней времени, является настоящим историческим документом, по которому можно изучать промежутки времени от ста до двухсот лет. Она является таким документом, по которому можно изучать промежутки времени от ста до двухсот лет, ее можно воспринимать как введение в изучение проблемы предпосылок ГИ нынешней России³.

Вытекает ли отсюда, что Бакунин повторял общеизвестные мнения и оценки своих русских и европейских современников, несогласных с политическим устройством николаевской России? Или же его мнение подтверждается современными исследованиями?

Ключевые слова: М.А. Бакунин, государственный интерес, религиозные предпосылки.

¹ См.: Бакунин 1920: 191.

² См.: Кюстин 2008.

³ См.: Мильчина 2008: 718, 725.

Для ответа использую фундаментальный десяти томный труд К. Дешнера «Криминальная история христианства». На русский язык было переведено лишь два тома и издание оставалось. Этот факт показателен для констатации отношения нынешней официальной России к каталогу двухтысячелетних преступлений христианского клира против права и морали. Обсуждение исторических сюжетов выходит за пределы моей компетенции. Вычленю из работы Дешнера лишь несколько методологических проблем, позволяющих двинуться дальше в анализе политической бездарности [Дешнер 1996]⁴.

История преступлений христианства пересекается с историей христианских церквей. В ее состав входят организационные формы церковности, жизнь и деятельность отцов церкви и клира, властные амбиции, насилие, эксплуатация, обман и надувательство на протяжении всей истории христианства, а также история ересей и сект. Дешнер выявил и систематически проанализировал множество исторических фактов, свидетельствующих о преступлениях клира. Эти факты разрушают образ христианства как религии Евангелия, любви, мира и «истории искупительного подвига Христа».

Дешнер отвергает ссылку на вечный антагонизм между идеалом и действительностью, которую использовали религиозные и светские мыслители и практики для оправдания противоречий между учением Христа и деятельностью Церкви. Двухтысячелетняя история преступлений позволяют определить христианство как абсолютную вершину всемирно-исторической преступности.

Основанием пирамиды преступлений является стремление религиозного клира подчинить себе светскую власть. До настоящего времени церковь влияет на государство и наоборот. Поэтому Дешнер использует исторический материал для описания взаимодействия церкви и государства.

Этот материал образует содержание и смысл концепта «наступательной гражданской войны», который предложил Дешнер для описания истории христианства как процесса постоянного подавления верующих и подданных. При этом церковь делала подачки (ради приглушения народной ярости), оплачивала художников (чтобы увековечить себя и свою историю), строила дороги (чтобы на них потом вести войну и совершать другие дела).

Клир всегда был вовлечен в политику, стремился влиять на властителей, правительство, законодательство. Вся история клира есть история паразитического стремления наверх ради преодоления зависимости от светской власти. В этом процессе клир использовал религиозные лозунги для достижения мировой власти.

Войны велись под командой церкви и с ее участием ради уничтожения целых народов, которые считались язычниками-преступниками. Церковь полагала, что их надо любыми средствами (предательством, обманом, жестокостью) обратить к истине. Церковь провозгласила лозунг священной войны ради смерти за родину (вначале небесную, затем мирскую), в результате которой каждый попадет с поля битвы прямо в рай.

Дешнер устанавливает два типа связей истории христианства с историей XX века:

- между лозунгами священной войны и смерти за родину с миллионами обманутых «полевыми священниками в годы мировой войны, которые с открытыми глазами и слепые одновременно шагали на бойню»;

- между христианским концептом «единоспасающей правды» и «окончательным решением» еврейского вопроса Гитлером.

В результате анализа указанных явлений Дешнер вводит концепт «клерикальной террористической активности» для суммарного обозначения борьбы церкви с язычеством, дея-

⁴ Далее все цитаты приводятся по этому изданию.

тельности инквизиции, еврейских погромов, искоренения ведьм и индейцев, последовательной милитаризации, политизации и идеологизации христианства.

Затем описаны формы фальсификации, культивируемые христианством на протяжении столетий (сочетание обмана и лжи, в состав которых входят апостолизация, соперничество пилигримов, имущественное и правовое обеспечение). В Европе до позднего Средневековья фальсификаторы были духовными лицами. Везде они пытались по церковно-политическим причинам реализовывать свои претензии фабрикацией фальшивых свидетельств или интерпретацией старых. В Средние века установилось примерное равенство между настоящими и поддельными документами, летописями, хрониками. Благочестивый обман стал политическим фактором, фальсификаторский цех – упорядочивающей инстанцией церкви и права.

Большая часть культурных достижений церкви стала возможной благодаря ограблению, порабощению и разорению масс на протяжении столетий. Создание архитектурных ансамблей имело корыстные основания (демонстрация мощи). Бесконечные иллюстрации сцен из Библии и преданий о святых в живописи были идеологически обусловлены. Раннее христианство отличалось культурным равнодушием и эсхатологическим презрением к миру культуры в целом. Почти везде были уничтожены языческие храмы, постройки превращены в пепел, срыты. В Риме остатки храмов использовались как каменоломни, статуи были разрушены, прекрасные саркофаги использовались как лохани и свиные кормушки. Грандиозная мавританская культура Испании была растоптана. В Южной Америке католицизм уничтожил (вместе с миллионами людей) намного больше культурных ценностей, чем создал.

В целом христианство тормозило, отравляло и уничтожало культуру. Нанесло громадный ущерб в сфере воспитания, образования и науки.

Дешнер обсуждает методологические проблемы историографии на основе учета истории преступлений христианства в единстве с описанием христианской политики. В состав данных проблем входит анализ классического определения истории как учительницы жизни, соотношение объективности и субъективности при описании исторического процесса, общая квалификация истории человечества, типы исторических писателей, формы социально-исторической детерминации исторического знания, соотношения в нем истины и лжи, объекты и методы исторических исследований и пр.

Гегель установил, что история не является учительницей жизни⁵. Однако правительства настолько успешно *учились* у истории, – констатирует Дешнер, – «что единственное искусство, до сих пор не нуждающееся во вмешательстве, это искусство управления государством». Правительства заимствовали у церкви весь арсенал перечисленных методов. Поэтому проблема политической бездарности властвующих лиц при реализации ГИ приобретает историческую пространственно-временную определенность. В общем виде политическую бездарность можно определить как меру заимствования светской властью у духовной власти всех перечисленных методов управления государством.

Церковь культивировала насилие ради насаждения христианства, способствовала моральному падению человека на протяжении всей истории. Поэтому история есть спектакль со многими актами силы⁶. Таким образом произошло отождествление христианского представления об Аде и категории Исторического⁷. Историю надо знать для того, чтобы ее прези-

⁵ «Народы и правительства никогда ничему не научились у истории и не вели себя согласно урокам, которые должны были извлечь».

⁶ История – это постоянный прогресс от охотника за черепами до промывателей мозгов, от духового ружья к ракете, от кулачного права к кулачному праву в параграфах и маске силы, от заключения мира к заключению мира, от метастазы к метастазе, от грехопадения к грехопадению.

⁷ «Ад – это Историческое, история воскрешения того, что не должно было воскреснуть, по крайней мере не так должно было воскреснуть, жалкий спектакль, в котором народы – цепные псы, мечтающие о свободе, – скорее умрут под лозунгами, чем лозунги под народами, при этом править обычно означает не что иное, как ме-

рать. Особенно важно знать ведущие идеи, фигуры, декларации, действия, тысячи фактов христианской политики.

На основании собственного жизненного опыта, исследовательской и педагогической практики Дешнер выделяет два типа исторических писателей: тех, кто настаивает на «объективности» исторического знания; тех, кто такой иллюзии не питает. Требования профессионализма (источники и тексты историографии) объединяют оба типа⁸.

Но первый тип под маской объективности продуцирует ложь и прямо или косвенно транслирует все перечисленные стандарты христианской церкви и политики. Постоянное переписывание истории свидетельствует о ее несвободе в отношении всего комплекса исторических обстоятельств и ложности.

Второй тип прямо говорит о своей односторонности и предубежденности и не вводит в заблуждение читателя. В целом отношение историографии к социальной действительности воспроизводит противоположность между проповедью и практикой христианства. При методических разногласиях речь идет не столько о деловой, сколько о политической дискуссии, общественном процессе переоценки.

подавляющее большинство религиозных и политических деятелей подпадают под категорию «всемирно-исторических негодяев». Это – коронованные, некоронованные, сами себя короновавшие преступники, епископы и папы, святые, полководцы и прочие вершители дел и истории. Для анализа их деятельности Дешнер предлагает соединить судебную и историческую медицину⁹.

Хотя вера в объективность исторического знания убывает, этот процесс не должен вести к распаду мысли. Для противодействия ему Дешнер формулирует несколько максимумов (убеждений) подлинного историка:

- правда или правдоподобность важнее той науки, которая во имя науки выступает против правды;
- при всем хаосе истории можно постичь ее всеобщий смысл, существенное и типичное;
- при этом не следует идти дальше, чем позволяют документы;
- историк занимается выявлением основных черт в процессе суммирования информационного материала, в котором обобщение и квантификация составляют одно целое;
- в целях достижения исторической правды по отношению к объекту исследования (в данном случае христианству) надо иметь мужество быть его врагом и с этой позиции воспроизводить всю его историю¹⁰;

шать справедливости, делать для многих как можно меньше, а для немногих как можно больше, при этом право не является предварительной ступенью справедливости, но ее предотвращает. В итоге «реальным политикам» можно не являться с этикой... Военщина – мистика убийства, история не что иное, как сделка».

⁸ Речь идет о вторичной исторической литературе и смежных науках – нумизматике, геральдике, сфрагистике и др.; об исследованиях во вспомогательных дисциплинах и соседних областях истории, особенно – естественно-церковной истории с ее пересекающимися разделами истории миссионерства, веры, теологии и догматики, истории мучеников и монахов, истории папства, истории «благочестия»; об использовании археологии, хозяйственной и социальной истории, истории права, основного закона, войн и воинской службы, география и статистика.

⁹ Он даже иронически предлагает тему для докторантов и соискателей доцентуры: «Систематическая история пищеварения коронованных и помазанных владык наряду с их влиянием на христианский Запад с начала спора за инвеституру и до конца Тридцатилетней войны с добавлением о пищеварении, пищеварительных средствах и лечебных препаратах всех св. пап и антипап этого периода».

¹⁰ «Я пишу из-за «вражды», – подчеркивает Дешнер. – Так как история тех, о ком я пишу, сделала меня своим врагом. Меня смогут опровергнуть не потому, что я не написал о том, что тоже было правдой. Меня опровергнут лишь тогда, если то, о чем я писал, было ложью».

- надо отбросить шаблон о делении критики на конструктивную и деструктивную, который культивируется теми, кто никогда всерьез не пытался этого делать по причине оппортунизма, равнодушия, неспособности;

- более всего чувствительны к критике клерикальные круги, чья церковь до сих пор разыгрывает из себя высшую моральную инстанцию мира;

- надо отвергнуть концепт «духа времени» по причине его апологетики;

- на протяжении 2000 лет разбой, убийство, эксплуатация и война считались обычными явлениями, поэтому надо реанимировать традицию трехсотлетней раннехристианской проповеди в духе миролюбия, коммунистические обращения отцов и учителей церкви IV столетия с одновременной критикой исторического христианства за его непоследовательность.

На этих основаниях Дешнер развивает идею аксиологической историографии. «Для меня несправедливость, преступление 500, 1000, 1500-летней давности, – пишет он, – столь же живы и возмутительны, как и несправедливость, преступление, свершающееся сегодня или через 1000, 5000 лет». Быть равнодушным значит непрерывно убивать. Он показывает также до сих пор не преодоленную диспропорцию между теологией и наукой¹¹. Эта идея может быть развита с привлечением всех вариантов теории справедливости к изображению истории.

В настоящее время политическое значение историографии возрастает. Особенно важно строго сформулировать, как меньшинство правит для меньшинства и против большинства масс. До сих пор политическая история покоится на власти, насилии, преступлении. Большинство историков пока не называют государственных деятелей преступниками. Более того, гордятся своей близостью владыкам и духу времени. Поэтому до сих пор верна констатация Ранке: историография не улучшается, а портится от политики. Политику можно делать ради массы людей, но она делается против них. История тоже обычно пишется против них. Большинство историков описывает битвы, революции и прочие исторические преступления и преступников. Поэтому остается верным положение Иоанна Хризостомоса «Кто хвалит грех, тот намного хуже того, кто ему предается». В этом смысле историки хуже политиков.

Наиболее важный пункт методологии Дешнера состоит в обосновании оригинального концепта преступления и преступника.

Прежде всего он отвергает институт уголовного кодекса по следующим основаниям: каждый кодекс общественно консервирован; выражает идеологию истеблишмента; написан под влиянием господствующего меньшинства; направлен против подчиненного большинства.

Дешнер формулирует исходное определение на основе общего мнения и правовой науки: убийца тот, кто намеренно убил другого человека по «низким» мотивам (чтобы его ограбить или занять его место). Здесь юстиция устанавливает различие между убийством (ограблением) *одного* или *миллионов*. Только первое подпадает под понятие уголовного преступления. Для Дешнера такая «справедливость» не заслуживает своего имени.

Затем он отвергает веру массового сознания в то, что каждый знает различие между преступниками и героями. Однако различие между тем и другим устанавливают государства,

¹¹ «Теология тоже не наука, во всяком случае, единственная, представитель которой – а это историки не позволяют себе сказать – не имеет никакого представления об объекте исследования, и однако же они располагают сравнительно большим числом кафедр, чем все другие. По меньшей мере в нашей стране семидесятих годов XX столетия в Варцбурге на 1149 студентов хозяйственно- и социально-научных факультетов приходилось 10 кафедр, на 238 теологов – 16! Более того, в Бамберге свободное государство Бавария, руководимое тогда христианскими социалистами, финансировало 11 профессур для 30 студентов – теологов! Для 30 будущих божьих ученых, если они вопреки всему не «отбились», по-прежнему больше профессоров, чем для 1149 студентов менее заказываемого по ту сторону научного направления».

церкви, историографии. Даже традиция первоисточников льстит угнетающим и игнорирует угнетенных. Таково катастрофическое воздействие историографии последних столетий.

Со времен абсолютизма политическая власть, общественные институты, история и национальная идентичность наглядно «объединились и олицетворились». Толпа приняла поступки таких героев, как достойных подражания. «Политический героизм, – пишет Дешнер, – всегда намного меньше доброй воли к собственной гибели, чем злой – к гибели других. На деле политика была и остается «мерзкой песней». Поэтому государственные награды всегда отражают все перечисленные предпочтения религиозных и политических групп.

Дешнер подвергает критике концепции Гегеля и Карлейля, которые представляют мировую историю как историю великих людей и отождествляют силу с правом. Эти концепции способствовали бюрократизации историографии – большинство историков являются государственными чиновниками. Фигура Гегеля особенно показательна. В его системе воспроизведено христианское убеждение в возможности обладания абсолютной истиной, а мировой истории – как осуществления Божественного Откровения.

Отсюда вытекает набор философско-мировоззренческих догматов, до сих пор питающих миллиарды подданных в сотнях государств: защита существующей здесь и сейчас государственной власти; борьба против всех отклонений от нее; ненависть к любым протестам; превознесение силы; квалификация генезиса государств как продукта деятельности «великих людей»; отрицание идеи вечного мира; квалификация войны как вечного и необходимого элемента истории, источника нравственного здоровья народов; определение подлинной храбрости как готовности к самопожертвованию на службе государству и т. п.

Весь этот образ мысли ведет к тому, что больших преступников ожидает хвала историков и философов истории.

Дешнер настаивает на этической ориентации истории. В противном случае целые поколения используются в преступных целях каждым всемирно-историческим негодяем. Вместо проклятья политическим преступникам «...большинство историков распространяют дерьмо прошлого, как будто это гумус для будущего рая». Именно немецкая историческая наука поддерживала традиционный образ истории, общества, завещанный «порядок» вместо того, чтобы способствовать его падению. Уже в XIX в. немецкая историография была особенно привязана к национальной априорности, все больше попадала в кильватерную струю национал-государственной идеи, патриотического оптимизма и веры в подъем. Зато она почти презирала социальную историю, а в XX в. обслуживала государство, политику диктатора, войну и национальную культуру. Даже после Гитлера большое число германских историков проявило тенденцию к фетишизации государства.

Для борьбы с этой тенденцией Дешнер предлагает развивать историографическую критику всех основателей государств (типа Карла «Великого»), отвергать любой (церковный и светский) вариант империалистической мысли, использовать один и тот же язык для описания действий «государственных мужей» и никогда их не оправдывать¹², не пользоваться «органическим» языком при описании деятельности государственных мужей. В целом расширение любых государств вступает в противоречие с человеческой культурой.

В заключение Дешнер резонирует: «Само собой разумеется, не утверждается, что во всех бедах виновато только христианство. Дело, возможно, пойдет так же плачевно и без христианства. Этого мы не знаем. Мы знаем только, что с ним так пойдет и должно пойти дальше. Не в последнюю очередь поэтому я выявляю его вину во всех существенных случа-

¹² «Настоящие исследователи, – иронизирует Дешнер, – говорят о самых скверных разбойничьих походах и массовых бойнях истории как об экспансии, внешней операции, воздействии, основном перебазировании, процессе блокирования, проникновении в сферу господства, христианизации и умиротворении пограничных народов».

ях, на которые я натолкнулся, по возможности максимально широко, но никогда не преувеличивая, не утрируя, как это может некоторым показаться, кто не имеет никакого представления о христианской истории или введен в заблуждение по ее поводу».

Политика силы – естественный продукт христианской религии и церкви. На протяжении столетий догматическая ложь, гомилетическое утешение, литургическое оглушение служили голой борьбе за власть, которая именно с их стороны столь успешно велась и еще ведется.

Выводы

Таким образом, мнение М.А. Бакунина об уголовном содержании государственных интересов подтверждается современными исследованиями. Десятитомный труд К. Дешнера¹³ позволяет нагрузить понятие ГИ громадным социально-историческим содержанием, имеющим непосредственное отношение к политической истории XX века. В этом материале можно выделить множество смысловых узлов, которые нужно учитывать при анализе предпосылок формирования ГИ, сохраняющих свою значимость до настоящего момента. К ним относятся: христианство – это вершина всемирно-исторической преступности, которая возникла в результате стремления клира подчинить себе светскую власть; наступательная гражданская война – это итог процесса постоянного подавления религиозным клиром верующих и подданных; вся история вовлеченности клира в политику свидетельствует о паразитическом стремлении наверх ради преодоления зависимости от светской власти; использование клиром религиозных лозунгов для достижения мировой власти; проведение под командованием и с участием церкви войн ради уничтожения целых народов, которые квалифицировались как язычники; провозглашение лозунга священной войны ради смерти за небесную, а затем земную родину; этот лозунг связал историю христианства с мировыми войнами XX века, в которых христианский концепт «единоспасающей правды» переплелся с «окончательным решением» еврейского вопроса.

Концепт клерикальной террористической активности резюмирует борьбу церкви с язычеством, историю инквизиции, еврейских погромов, искоренения ведьм и индейцев, милитаризации, политизации, идеологизации христианства.

Указанные предпосылки сильнейшим образом повлияли на историографию. На протяжении истории христианства возникла система фальсификации и профессия фальсификаторов, в результате чего благочестивый обман стал политическим фактором. Культурные достижения церкви – это итог ограбления, порабощения и разорения масс на протяжении столетий. В целом христианство тормозило, отравляло и уничтожало культуру, нанесло громадный ущерб сферам воспитания, образования и науки.

Блок методологических проблем историографии возник в результате истории преступлений христианства в единстве с реализацией христианской политики. Политическая бездарность воплотилась в искусстве управления государством. В общем виде политическая бездарность есть мера заимствования светской властью у духовной власти всех перечисленных методов управления.

Церковь культивировала насилие ради насаждения христианства, способствовала моральному падению человека на протяжении всей истории. Поэтому вся история переполнена

¹³ Этот труд, кстати, полностью опубликован в Польше, и я его прочел, когда там работал. Но обсуждение конкретных исторических фигур, явлений и событий образует предмет интереса профессиональных историков. То же самое относится к сравнительно-историческим исследованиям мировых религий с точки зрения уголовного права. Однако здесь более уместен когнитивный интерес профессиональных юристов. Я ограничился методологическими сюжетами.

насилием. Историю надо знать для культивирования презрения к ведущим идеям, фигурам, декларациям, действиям и факторам христианской политики. В целом отношение историографии к социальной действительности воспроизводит противоположность между проповедью и практикой христианства. Подавляющее большинство религиозных и политических деятелей подпадают под категорию «всемирно-исторических негодяев». Для анализа их деятельности надо соединить судебную и историческую медицину.

Для выявления меры политической бездарности государственных деятелей следует реализовать максимы подлинного историка: правда важнее науки, которая во имя науки выступает против правды; надо стремиться постичь всеобщий смысл, существенное и типичное в истории на основе документов; синтезировать информационный материал путем обобщения и квантификации; иметь мужество быть врагом христианства и с этой позиции воспроизводить его историю; отвергнуть шаблон о делении критики на конструктивную и деструктивную; направлять критику на клерикальные круги, которые не являются высшей моральной инстанцией; отвергнуть концепт «духа времени»; реанимировать традицию трехсотлетней раннехристианской проповеди с одновременной критикой исторического христианства.

Аксиологическая историография базируется на применении теории (не)справедливости к изображению истории. Особенно важно правдивое изображение способов правления меньшинства для меньшинства и против большинства. Политическая история до сих пор покоится на власти, насилии, преступлении. Поэтому надо квалифицировать государственных деятелей как преступников. Описывать повседневную жизнь и заботы большинства людей, а не битвы, революции и прочие исторические преступления и преступников. Для этого надо использовать дешнеровский концепт преступления и преступника со всеми его аргументами и коннотациями.

В частности, юридическое определение преступника недостаточно, поскольку при таком подходе массовые убийства не подпадают под понятие уголовного преступления. Требуется разработка концепта политических преступлений и политической (не)справедливости. На этом пути надо отвергнуть: установившееся различие между преступниками и героями, поскольку оно до сих пор устанавливалось религиозно-политическим абсолютизмом; концепции мировой истории как истории великих людей и отождествления силы с правом; набор философско-мировоззренческих догматов, питающих миллиарды подданных в сотнях государств с присущими каждому из них правящими группами и бюрократиями. Все эти догмы легитимируют политическую бездарность.

Политическая ориентация историографии способствует использованию целых поколений в преступных целях всемирно – историческими негодьями. Для преодоления данной тенденции надо развивать историографическую критику всех основателей государств, отвергать любой (церковный и светский) вариант империалистической и националистической мысли, использовать один и тот же язык для описания действий государственных мужей «своей» и «чужой» страны.

Таким образом, религиозные предпосылки ГИ разнообразны и в большей или меньшей степени сохраняют свое значение в зависимости от специфики современных государственных бюрократий.

Бакунин М.А. 1920. *Избранные сочинения. Том 3. Федерализм, социализм и антитеология.* – Петербург-Москва. – Книгоиздательство «Голос труда».

Дешнер К.Х. 1996. *Криминальная история христианства. Том 1.* – М.: Издательский дом «Терра». – 464 с.

Записки князя Петра Долгорукова. 2007. *Пер. с фр. А.Ю. Серебрянниковой; вступ.ст., примеч. и указатель С.Н. Искюля.* – СПб.: ИЦ «Гуманитрная Академия».

Кюстин А. де. Россия в 1839 году. 2008. *Пер. с фр. О. Гринберг, С. Зенкина, В. Мильчиной, И. Стаф.* – СПб.: Крига.

Мильчина В. 2008. *Несколько слов о маркизе де Кюстине, его книге и ее первых русских читателях / Мильчина В.А., Осповат А.Л. Комментарий к книге Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году».* – СПб.: Крига.

Ростиславов Д.И. 2011. *О православном белом и черном духовенстве в России. В 2-х т. – Т. 1.* – Рязань: Александрия.

Ростиславов Д.И. 2011. *О православном белом и черном духовенстве в России. В 2-х т. – Т. 2.* – Рязань: Александрия.